

Чехову - 150 лет

О Чехове писать трудно. Для этого нужно, наверное, обладать не меньшим, чем у него, талантом.

Поэтому в день его рождения мы просто публикуем дореволюционную энциклопедическую статью о Чехове. Все равно лучше не скажешь...

Отец его был крепостным, но выбился из рядового крестьянства, служил в управляющих, вел собственные дела. Семья Чехова вообще талантливая, давшая несколько писателей и художников.

Чехов родился 17 января 1860 г. в Таганроге, там же окончил курс гимназии, затем поступил на медицинский факультет московского унив. и в 1884 г. получил степень врача, но практикой почти не занимался. Уже студентом начал (в 1879 г.) помещать, под псевдонимом Чехонте, мелкие рассказы в юмористических изданиях: "Стрекозе", "Будильнике", "Осколках" и др.; затем перешел в "Петербургскую Газету" и "Новое Время".

В 1886 г. вышел первый сборник его рассказов; в 1887 г. появился второй сборник - "В сумерках", который показал, что в лице Чехова русская литература приобрела новое, вдумчивое и тонко-художественное дарование. Под влиянием крупного успеха в публике и критике Чехов совершенно бросил свой прежний жанр небольших газетных очерков и стал по преимуществу сотрудником ежемесячных журналов ("Северный Вестник", "Русская мысль", позднее "Жизнь"). Успех Чехова все возрастал; особенное внимание обратили на себя "Степь", "Скучная История", "Дуэль", "Палата №6", "Рассказ неизвестного человека", "Мужики" (1897), "Человек в футляре", "В овраге"; из пьес - "Иванов", не имевший успех на сцене, "Чайка", "Дядя Ваня", "Три сестры". Огромная популярность Чехова выразилась, между прочим, в том, что все сборники его произведений выдержали помногу изданий: "В сумерках" - 13 изд., "Пестрые рассказы" - 14, "Хмурые люди" - 10, "Палата №6" - 7, "Каштанка" - 7, "Рассказы" - 13 и т. д. В 1901-1902 гг. А. Ф. Маркс издал полное собрание сочинений Чехова в 10 томах. То же собрание, дополненное новейшими произведениями, дается в качестве премии к "Ниве" 1903 г., которая, благодаря этому, приобрела небывало большое количество подписчиков.

В 1890 г. Чехов совершил поездку на Сахалин. Вынесенные из этой поездки мрачные впечатления, составили предмет целой книги: "Остров Сахалин" (1895). Позднее Чехов много путешествовал по Европе. Последние годы он, для поправления здоровья, постоянно живет в своей усадьбе под Ялтой, лишь изредка наезжая в Москву, где жена его, даровитая артистка Книппер, занимает одно из выдающихся мест в известной труппе московского "Литературнохудожественного кружка" (Станиславского). В 1900 г., при первых же выборах в Пушкинское отделение академии наук, Чехов был избран в число его почетных академиков.

Литературную деятельность Чехова обыкновенно принято делить на две, совсем ничего общего между собой не имеющие, половины: период Чехова-Чехонте и позднейшую деятельность, в которой даровитый писатель освобождается от приспособления к вкусам и потребностям читателя мелкой прессы. Для этого деления есть известные основания. Несомненно, что Чехов-Чехонте, в "юмористических" рассказах не стоит на своей высоте первостепенного писателя.

Публика, подписавшаяся в 1903 г. на "Ниву" чтобы ознакомиться основательно с Чеховым, испытывала даже после первых томов расположенного в хронологическом порядке собрания его сочинений известное разочарование. Если, однако, глубже и внимательнее присмотреться к рассказам Чехонте, то нетрудно и в этих наскоро набросанных эскизах усмотреть печать крупного мастерства Чехова и всех особенностей его меланхолического дарования. Непосредственной "юмористики", физиологического, так назыв. "нутряного" смеха тут не очень-то и много. Есть, правда, немало анекдотичности и даже прямого шаржу, в роде, напр., "Романа с контрабасом", едва ли есть у Чехонте хотя бы один рассказ, сквозь шарж которого не пробивалось бы психологическая и жизненная правда. Не умрет, напр., в действительности чиновник оттого, что начальник в ответ на его чрезмерно угодливые и надоедливые извинения за то, что он нечаянно плюнул в его сторону, в конце концов крикнул ему "пошел вон"; но забитость мелкого чиновника, для которого сановник - какое то высшее существо, схвачено (в "Смерти чиновника") в самой своей основе.

Во всяком случае веселого в "юмористических" шаржах Чехонте очень мало: общий тон - мрачный и безнадежный. Перед нами разворачивается ежедневная жизнь в всем трагизме своей мелочности, пустоты и бездушия. Отцы семейства, срывающие на близких всякого рода неприятности по службе и карточным проигрышам, взяточничество провинциальной администрации, интриги представителей интеллигентных профессий, грубейшее пресмыкательство перед деньгами и властью имущими, скука семейной жизни, грубейший эгоизм "честных" людей в обращении с "продажными тварями" ("Анюта", "Хористка"), безграничная тупость мужика ("Злоумышленник"), полное вообще отсутствие нравственного чувства и стремления к идеалу - вот та картина, которая разворачивается перед читателем "веселых" рассказов Чехонте.

Даже из такого невинного сюжета, как мечты о выигрыше 75000 р. ("Выигрышный билет"), Чехонте сумел сделать канву для тяжелой картины отношений размечтавшихся о выигрыше супругов. Прямо Достоевским отзывается превосходный рассказ "Муж", где на каких-нибудь 4 страничках во всем своем ужасе обрисована психология злобного, погрязшего в житейской скуке существа, испытывающего чисто физические страдания, когда он видит, что близкие ему люди способны забыться и на мгновение унести в какой-то иной, радостный и светлый мир. К числу ранних рассказов Чехова относится и другой превосходный рассказ - "Тоска", на этот раз не только мрачный, но и глубоко трогательный: рассказ о том, как старый извозчик, у которого умер взрослый сын, все искал, кому бы поведать свое горе, да никто его не слушает; и кончает бедный старик тем, что изливает душу перед лошадкой своей.

Художественные приемы Чехонте так же замечательны, как в позднейших произведениях Чехова. Больше всего поражает необыкновенная сжатость формы, которая до сих пор остается основной чертой художественной манеры Чехова. И до сих пор чеховские повести почти и всегда начинаются, и кончаются в одной книжке журнала. Относительно "большие" вещи Чехова - напр., "Степь" - часто представляют собой не что иное, как собрание отдельных сцен, объединенным только внешним образом. Чеховская сжатость органически связана с особенностями его способа изображения. Дело в том, что Чехов никогда не исчерпывает свой сюжет всецело и всесторонне. Будучи реалистом по стремлению давать неприкрашенную правду и имея всегда в запасе огромное количество беллетристических подробностей, Чехов, однако, рисует всегда только контурами и схематично, т. е. давая не всего человека, не все положение, а только существенные их очертания. Тэн у рассматриваемых им писателей старается уловить их *faculte maitresse*; Чехов это делает по отношению к каждому из своих героев и выдвигает в нем только то, что ему кажется в данном человеке характерным и преобладающим. Чехов почти никогда не дает целой биографии своих героев; он берет их в определенный момент их жизни и отделяет двумя-тремя словами от прошлого их, концентрируя все внимание на настоящем. Он рисует, таким образом, не столько портреты, сколько силуэты. Оттого-то его изображения так отчетливы; он всегда бьет в одну точку, никогда не увлекаясь второстепенными подробностями. Отсюда сила и рельефность его живописи, при всей неопределенности тех типов, которые он по преимуществу подвергает своему психологическому анализу. Если к этому прибавить замечательную колоритность чеховского языка, обилие метких и ярких слов и определений, то станет очевидным, что ему много места и не нужно.

По художественной манере особое место занимает театр Чехова. Как и повествовательные его произведения, драматическая деятельность Чехова распадается на два периода. Сначала он написал несколько истинно веселых вещей, из которых не сходят со сцены "Медведь" и "Предложение". Серьезные пьесы второго периода создались под несомненным влиянием Ибсена. Это пьесы "настроения" по преимуществу, в которых соответствующая игра актеров имеет почти решающее значение. "Три сестры", напр., в чтении совершенно не понравились и местами даже возбуждали смех. Таковы, в чтении постоянные комические восклицания сестер: "В Москву, в Москву", точно съездить в Москву и даже поселиться в ней - Бог весть какое счастье.

Но в постановке московской труппы Станиславского "Три сестры" произвели огромное впечатление, потому что те самые мелочи, часто даже простые ремарки, которые в чтении не замечаются и пропадают, были ярко подчеркнуты замечательно вдумавшейся в намерения автора труппой, и зрителю сообщалось авторское настроение. Даже пресловутое "В Москву, в Москву" превратилось в нисколько не смешной символ стремления уйти из постылой действительности. "Дядя Ваня" производит и в чтении, но сценическое исполнение значительно усиливает общий эффект пьесы и в особенности завершительное впечатление беспробудной тоски, в которую погружается "дядя Ваня" по отъезде гостей.

Существенным отличием Чехова-Чехонте от Чехова второго периода является сфера наблюдения и воспроизведения. Чехонте не шел дальше мелочей обыденного, заурядного существования тех кругов общества, которые живут элементарной, почти зоологической жизнью. Но когда критика подняла самосознание молодого писателя и внушила ему высокое представление о благородных сторонах его тонкого и чуткого таланта, он решил подняться в своем художественном анализе, стал захватывать высшие стороны

жизни и отражать общественные течения. На общем характере этого позднейшего творчества, начало которого можно отнести к появлению "Скудной истории" (1888), ярко сказалась та мрачная полоса отчаяния и безнадежной тоски, которая в 80-х годах охватила наиболее чуткие элементы русского общества. Восьмидесятые годы характеризуются сознанием русской интеллигенции, что она совершенно бессильна побороть косность окружающей среды, что безмерно расстояние между ее идеалами и мрачно-серым, беспросветным фоном живой действительности.

Народ еще пребывал в каменном периоде, средние классы еще не вышли из мрака "темного царства", а в сферах направляющих резко обрывались традиции и настроения "эпохи великих реформ". Все это, конечно, не было чем-нибудь особенно новым для чутких элементов русского общества, которые и предшествующий период семидесятых годов сознавали всю неприглядность тогдашней "действительности". Но тогда русскую интеллигенцию окрылял особенный нервный подъем, который вселял бодрость и уверенность. В 80-х годах эта бодрость совершенно исчезла и заменилась сознанием банкротства перед реальным ходом истории. Отсюда рождение целого поколения, часть которого утратила свое стремление к идеалу и слилась с окружающей пошлостью, а часть дала неврастеников, "нытиков", безвольных, бесцветных, проникнутых сознанием, что силу косности не сломишь, и способных только всем надоедать жалобами на свою беспомощность и ненужность. Этот-то период неврастенической расслабленности русского общества и нашел в лице Чехова своего художественного историка. Именно историка: это очень важно для понимания Чехова.

Он отнесся к своей задаче не как человек, который хочет поведать о глубоко волнующем его горе, а как посторонний, который наблюдает известное явление и только заботится о том, чтобы возможно вернее изобразить его. То, что принято у нас называть "идейным творчеством", т. е. желание в художественной форме выразить свое общественное мирозерцание, чуждо Чехову и по натуре его, слишком аналитической и меланхолической, и по тем условиям, при которых сложились его литературные представления и вкусы. Не нужно знать интимную биографию Чехова, чтобы видеть, что пору так назыв. "идейного брожения" он никогда не называл. На всем пространстве его сочинений, где, кажется, нет ни одной подробности русской жизни так или иначе затронутой, вы не найдете ни одного описания студенческой ссоры или тех принципиальных споров до бела дня, которые так характерны для русской молодежи. Идеиной стороной русской жизни Чехова заинтересовался уже в ту пору, когда восприимчивость слабеет и "опыт жизни" делает и самые пылкие натуры несколько апатичными в поисках мирозерцания. Став летописцем и бытописателем духовного вырождения и измелчания нашей интеллигенции, Чехов сам не примкнул ни к одному направлению. Он одновременно близок и к "Новому Времени", и к "Русской Мысли", а в последние годы примыкал даже всего теснее к органу крайней левой нашей журналистики, не добровольно прекратившему свое существование ("Жизнь").

Он относится безусловно насмешливо к "людям шестидесятых годов", к увлечению земством и т. д., но у него нет и ни одной "консервативной" строчки. В "Рассказе неизвестного" он сводит к какому-то пустому месту революционное движение, но еще злее выставлена в этом же рассказе среда противоположная. Это-то общественно-политическое безразличие и дает ему ту объективную жесткость, с которой он обрисовал российских нытиков. Но если он не болеет за них душой, если он не мечет громов против засасывающей "среды", то он относится вместе с тем и без всякой враждебности к тому кругу идей, из которых исходят наши Гамлеты, пара на грош. Этим он существеннейшим образом отличается от воинствующих обличителей консервативного лагеря. Если мы для иллюстрации способа отношения Чехова к обанкротившимся интеллигентам 80-х гг. возьмем наиболее популярный тип этого рода - Иванова из драмы того же названия - какое мы вынесем впечатление? Во всяком случае не то, что не следует быть новатором, не следует бороться с рутиню и пренебрегать общественными предрассудками. Нет, драма только констатирует что таким слабакам, как Иванов, новаторство не по силам. Сам Иванов проводит параллель между собою и работником Семеном, который хотел похвастать перед девками силой, взвалить на себя два огромнейших мешка и надорвался.

Ту же неумолимую жесткость, но лишенную всякой тенденциозной враждебности, Чехов проявил и в своем отношении к народу. В русской литературе нет более мрачного изображения крестьянства, чем картина, которую Чехов набросал в "Мужиках". Ужасно полное отсутствие нравственного чувства и в тех вышедших из народа людях, которые изображены в другом рассказе Чехова - "В овраге". Но рядом с ужасным, Чехов умеет улавливать и поэтические движения народной жизни - и так как одновременно Чехов в самых темных красках рисует "правлящие классы", то и самый пламенный демократизм может видеть в беспощадной правде Чехова только частное проявление его пессимистического взгляда на людей.

Художественный анализ Чехова как-то весь сосредоточился на изображении бездарности, пошлости, глупости русского обывателя и беспросветного погрязания его в тине ежедневной жизни. Чехова ничего не стоит уверять нас в "Трех сестрах", что в стотысячном городе не с кем сказать человеческого слова и что уход из

него офицеров кавалерийского полка оставляет в нем какую-то зияющую пустоту. Бестрепетно заявляет Чехов в "Моей жизни", устами своего героя: "Во всем городе я не знал ни одного честного человека". Двойной ужас испытываешь при чтении превосходного психологически-психиатрического этюда "Палата №6": сначала - при виде тех чудовищных беспорядков, которые в земской больнице допускает герой рассказа, бесспорно лучший герой во всем городе, весь погруженный в чтение доктор Андрей Ефимович; затем, когда оказывается, что единственный с ясно-сознанными общественными идеалами - это содержащийся в палате №6 сумасшедший Иван Дмитриевич. А какое чувство беспросветной тоски должно нас охватить, когда мы знакомимся с интимной жизнью профессора, составляющей содержание "Скучной истории". Ее герой - знаменитый профессор, не только сообщающий своим слушателям специальные сведения, но и расширяющий их умственный горизонт широкими философскими обобщениями, человек чутко относящийся к задачам общественно-политической жизни, друг Кавелина и Некрасова, идеально-бескорыстный и самоотверженный в сношениях со всеми, кому приходится иметь с ним дело. Если судить по внешним признакам, то одной этой фигуры достаточно, чтобы поколебать убеждения в безграничности пессимизма Чехова, но в том то и дело, что за внешней заманчивостью кроется страшная внутренняя драма; тем то история и "скудная", что жизнь знаменитого профессора как он сам чувствует дала в результате нуль. В семейной жизни его заела пошлость и мещанство жены и дочери, а в своей собственной духовной жизни он с ужасом открывает полное отсутствие "общей идеи". И выходит, таким образом, что вполне порядочный человек - либо сумасшедший, либо сознающий бесцельность своей жизни.

А рядом торжествуют хищники и себьялюбцы - какая-нибудь мещаночка в "Трех сестрах", жена, дочь и зять профессора в "Скучной истории", злая Аксинья "В овраге", профессорская чета в "Дяде Ване", Треплев и его возлюбленная в "Чайке" и множество других им подобных "благополучных россиян". К ним примыкают и просто люди со сколько-нибудь определенными стремлениями, как напр. превосходнейший тип "Человека в футляре" учитель гимназии Беликов, который весь город заставил делать разные общественные гадости только тем, что решительно ставил свои требования; брезгливые "порядочные" люди подчинялись ему, потому что не хватало силы характера сопротивляться. Есть, однако, пессимизм и пессимизм. Нужно разобраться и в чеховском пессимизме, нужно отделить его не только от того расхожего пессимизма, который, насмешливо относясь к "идеальничанью", граничит с апофеозом буржуазного "благоразумия", но даже напр., от пессимизма таких писателей как Писемский или многие из французских реалистов. У последних одно только злое и, главное, спокойное констатирование, а у Чехова все же чувствуется какая-то глубокая тоска по чему-то хорошему и светлому.

Было время, когда Чехова обвиняли в глубоком равнодушии. Н. К. Михайловский ярче всех формулировал этот упрек, сказав, что Чехов с одинаковым хладнокровием "направляет свой превосходный художественный аппарат на ласточку и самоубийцу, на муху и слона, на слезы и воду". Но пора этих упреков теперь более или менее миновала. Тот же Н. К. Михайловский усмотрел в "Скучной истории" некоторую "авторскую боль". Теперь едва ли многие станут спорить против того, что если у Чехова и нет определенного общественного мирозерцания, то у него, все-таки, есть несомненная тоска по идеалу.

Он несомненно потому все критикует, что у него очень большие нравственные требования. Он не создает положительных типов, потому что не может довольствоваться малым. Если, читая Чехова, и приходишь в отчаяние, то это все-таки отчаяние облагораживающее: оно поселяет глубокое отвращение к мелкому и пошлему, срывает покровы с буржуазного благополучия и заставляет презирать отсутствие нравственной и общественной выдержки.

Автор: Артур Скальский © Babr24.com КУЛЬТУРА, РОССИЯ 👁 7606 30.01.2010, 10:57 🍷 452

URL: <https://babr24.com/?ADE=83658> Bytes: 18743 / 18732 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- Телеграм

- ВКонтакте

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

